Орлов Игорь Борисович
Orlov, Igor Borisovich
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Россия, Москва
National research University
«Higher school of Economics», Russia, Moscow
E-mail: iOrlov@hse.ru

**Патриотический дискурс в советской пропаганде 1941-1945 гг.:
историческая традиция и советская идеология¹**
**Patriotic discourse in Soviet propaganda 1941-1945: a historical
tradition and Soviet ideology**

Аннотация

Исходя из признания принципа многозначности института пропаганды, можно утверждать, что советская пропаганда во время Великой Отечественной войны, несмотря на ее основную мобилизационную направленность, выполняла множество функций и транслировала разные идеологические установки. Прежде всего, речь идет о соотношении в пропагандистских документах военной поры патриотической и интернациональной составляющих, а также о формировании на базе этих, на первый взгляд, несовместимых идеологических конструктов, концепции «советского патриотизма». Начало этого идеологического поворота совпало по времени с выходом Красной армии на границы СССР, а сам процесс вытеснения «традиционного» патриотизма патриотизмом «советским» растянулся до начала 1946 года.

Abstract

¹ Орлов И.Б. *Патриотический дискурс в советской пропаганде 1941–1945 гг.: историческая традиция и советская идеология // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914–1945 гг.: Сб. ст. / Под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. М.: Новый хронограф, 2016. 226-237.*

Based on the recognition of the principle of polysemy of the Institute of propaganda, it can be argued that Soviet propaganda during the great Patriotic war, despite its main thrust mobilization, carried out a variety of functions and interpret different ideological orientations. First of all, we are talking about the ratio in the propaganda documents of wartime Patriotic and international components, as well as on the formation on the basis of these, at first glance, incompatible ideological constructs, the concept of «Soviet patriotism». The beginning of this ideological turn coincided with the release of the red army on the Soviet border, and the process of ousting the «traditional» Patriotic patriotism «Soviet» lasted until the beginning of 1946.

Ключевые слова: идеология; пропаганда; мобилизация; патриотизм; интернационализм

Key words: ideology; propaganda; mobilization; patriotism; internationalism

Исследовательская гипотеза данного исследования состоит в том, что выход Красной армии на границы СССР стал главной причиной идеологического поворота в пропаганде патриотизма, который завершился весной 1946 года. В свою очередь, окончательное оформление концепции «советского патриотизма», ставшего синтезом патриотических и интернационалистских конструктов, совпало по времени с началом Холодной войны.

Источниковую базу исследования советской пропаганды на завершающем этапе Великой Отечественной войны составили документы двух федеральных архивов – Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Имеющие внутреннюю иерархию материалы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б),² Телеграфного

² РГАСПИ. Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 125.

агентства Советского Союза (ТАСС) при Совете министров СССР,³ Совинформбюро,⁴ Радиокомитета,⁵ Политиздата,⁶ Высшей партийной школы при ЦК ВКП (б),⁷ Всесоюзного лекционного бюро при Министерстве высшего образования СССР,⁸ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР,⁹ Славянского, Женского и Еврейского Антифашистских комитетов,¹⁰ Осоавиахима, личных фондов А.А. Жданова, В.М. Молотова, П.Н. Поспелова, А.С. Щербакова¹¹ и другие архивные документы позволяют реконструировать трансформацию пропагандистской работы в армии и в тылу на протяжении всего периода 1941-1945 гг.

Впрочем, содержанием данной статьи служат результаты анализа пропагандистского поворота на завершающем этапе войны, связанного с формированием нового идеологического конструкта в виде «советского патриотизма». При этом автор не сомневается в том, что новый концепт тесно увязан с патриотической проблематикой вообще, новое рождение которой связано с нападением фашистской Германии.

Именно патриотическое воспитание стало стержнем пропагандистских кампаний военной поры. Не удивительно, что патриотизм стал краеугольным камнем государственной идеологии. Ведь почти две трети истории нашего народа представляет собой борьбу за свою независимость. Кроме того, формирование патриотической идеи с самого начала было связано с выполнением воинского долга. Активное обращение к традиционным национальным ценностям с началом Великой Отечественной войны было напрямую связано с вопросом выживания не только советской власти и коммунистического режима, но и народа как такового. Именно этим было

³ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 14. Редакция центральной и московской информации; Оп. 15. Редакция союзной информации; Оп. 21. Редакция фронтовой информации и др.

⁴ ГА РФ. Ф. 8581.

⁵ ГА РФ. Ф. 6903.

⁶ РГАСПИ. Ф. 623.

⁷ РГАСПИ. Ф. 612.

⁸ ГА РФ. Ф. 9548.

⁹ ГА РФ. Ф. 9548.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6646, Ф. 7928, Ф. 8114.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 77, Ф. 82, Ф. 88, Ф. 629.

обусловлено обращение коммунистической власти к авторитету Русской Православной церкви и воспроизведение в пропаганде образов национальных героев - Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, Федор Ушаков и др.¹² На параде 7 ноября 1941 г., напутствуя отправляющиеся на фронт части, И.В. Сталин пожелал, чтобы в войне всех вдохновлял «мужественный образ наших великих предшественников – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». После сталинской речи появились плакаты с такими стихами:

«Стой! Прочти рассказ о том, как боролась Русь с врагом,
И как ныне дело спорится – наш народ с фашистом борется!».

Помимо эксплуатации этих образов в советских средствах массовой информации,¹³ в годы войны были учреждены ордена в честь почти всех перечисленных вождем исторических персонажей. Их именами называли боевые части и бронепоезда,¹⁴ о них снимали художественные фильмы.¹⁵ По радио транслировали передачи типа «Суворовские пословицы». Были изданы биографии великих русских полководцев, переиздана большим тиражом «Науки побеждать» А.И. Суворова и т.д.

В рекомендациях Агитпропа ЦК партии опубликованных еще в июле 1941 г., важное место отводилось докладам, лекциям и беседам о героическом прошлом страны. В начале сентября 1942 г., в канун 130-летия Бородинской битвы, Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) выступило с инициативой отметить эту дату в печати: «показать патриотизм,

¹² Великий подвиг. К 55-летию Победы: Тезисы докладов Всероссийской молодежной научно-практической конференции 26-27 апреля 2000г. Омск, 2000. С. 35-36.

¹³ Характерный пример – появление заметок типа «Потомок суворовского офицера» о старшем лейтенанте Григорьеве, чей прадед был суворовским солдатом (ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 13. Л. 230).

¹⁴ К примеру, пресса в 1944 г. широко освещала боевой путь бронепоездов «Козьма Минин» и «Илья Муромец» (ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 34. Л. 45-47).

¹⁵ В 1941 г. режиссер Всеволод Пудовкин снял фильм национально-патриотической тематики «Суворов».

мужество и стойкость русских людей в Отечественной войне 1812 года». При этом предлагалось отдельно отметить, что Бородино стало началом разгрома «непобедимой» армии Наполеона и крушение «наполеоновских планов мирового господства».¹⁶ Аналогии с современной войной, видимо, должны были выстраиваться самими читателями.

При этом пик патриотической пропаганды пришелся на 1943 год. Так, в начале года «коренного перелома» Главное политическое управление РККА направило в действующую армию директиву о воспитании патриотизма на примерах героического прошлого русского народа. Корреспонденты Телеграфного агентства Советского Союза с осени 1943 г. (в связи с битвой за Смоленск) проводили прямые аналогии с событиями «Грозы 1812-го года».¹⁷ Пропагандистская инерция зимы – весны 1944 г. демонстрировала верность старым патриотическим образцам с упором на ведущий вклад в строительство Российского государства именно русского народа. Так, в проекте доклада «Под знаменем Ленина - Сталина советский народ идет к победе», направленном в январе 1944 г. А.С. Щербаковым Л.П. Берии внимание акцентировалось на том, что «великий русский народ, как старший брат в семье народов Советского Союза, сплотил вокруг себя все народы нашей Родины».¹⁸ Даже в конце октября 1944 г. на совещании в Политиздате было решено освещать партизанскую тематику путем прямых исторических параллелей с Отечественной войной 1812 г.¹⁹ В многочисленных изданиях политических управлений фронтов и флотов специально выделялся раздел об этике поведения русского офицера.²⁰

В силу того, что основной упор в военной пропаганде делался на печатную продукцию, к пропагандистской работе, прежде всего, в качестве военных корреспондентов, была привлечена почти тысяча советских

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 105. Л. 36.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 21. Л. 45.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 241. Л. 22-29.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 5-5об.

²⁰ См, например: О воспитании морского офицера: Сб. статей. М.; Л.: Военмориздат, 1944. 77 с.

литераторов. Это делает актуальным и перспективным изучение пропагандистского дискурса военных лет и, в частности, его патриотической составляющей. К примеру, среди приемов пропагандистского воздействия наибольшее распространение в годы войны получили «родительские» символы типа «Родина-мать». Но дискурс-анализ пропагандистских документов 1941-1945 гг. позволяет не только выявить основные патриотические символы, но и проследить, как уже указывалось, их качественную трансформацию. Например, заголовки вестников Редакции фронтовой информации ТАСС в 1944 г. демонстрируют снижение удельного веса публикаций, связанных с историческими примерами патриотизма.²¹ СМИ все больше ориентируются на примеры героизма в годы Гражданской и Великой Отечественной войн.

Как уже отмечалось, *изменения в соотношении патриотического и интернационального компонентов советской военной пропаганды совпали с выходом Красной Армии на границы Советского Союза*. Но явно они проявились только к осени 1944 г. Например, на совещании в Политиздате 30 октября центральной стала тема Красной Армии как освободительницы «всех свободолюбивых народов» и «борце за демократию».²² Хотя цензура в этом же году не пропускала прямые указания на то, что в войне «мы боремся не только за свое освобождение, а осуществляем великую освободительную миссию по отношению ко всем народам».²³ Возможно, столь осторожная позиция цензоров объясняется распространенным на местах своеобразным пониманием демократизации Европы как процесса установления в европейских государствах Советской власти и присоединения их к «стране победившего социализма».

Поворотной точкой в закреплении и, соответственно, масштабном использовании нового концепта («горячий и животворный советский патриотизм») стала речь И.В. Сталина на торжественном заседании

²¹ Для анализа использованы материалы ГА РФ. Ф. 4459. Оп. 21. Д. 24-33.

²² РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 5-5об.

²³ ГА РФ Ф. 9425. Оп. 1. Д. 287. Л. 3об,5об.

Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 г.: «В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза».²⁴ Но, конечно, само понятие «советского патриотизма» не было чем-то новым для советских идеологов. Первые признаки «пропагандистского поворота» наблюдались уже в начале 1944 г. Так, в отчете о работе отдела военной цензуры Генштаба РККА за декабрь 1943 г. указывалось на политическую ошибочность статьи «Беспримерный подвиг народа», опубликованной 15 ноября 1943 г. в № 272 газеты 23-й армии «Знамя победы». Цензор обратил внимание на то, что в статье, рассказывающей об источниках силы Советского Союза, ничего не говорилось «о руководящей и организующей роли партии в борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками».²⁵

План статей отдела пропаганды газеты «Правда» на первые два месяца года, помимо материалов о доблести советского народа и героизме красноармейцев, содержал статью главного редактора главной партийной газеты П.Н. Поспелова о советском патриотизме.²⁶ Рекомендованная тематика докладов и лекций МОПР на апрель 1944 г. прямо нацеливала местные организации на «воспитание советского патриотизма». В этом контексте напоминалось о значении революционных традиций и примеров героизма из истории партии, жизни вождей и опыта РККА.²⁷

Тем не менее, именно сталинская речь активизировала процесс оформления нового пропагандистского конструкта. 23 февраля 1945 г. на конференции работников «Правды» Д.О. Заславский, опираясь на сталинскую трактовку советского патриотизма как «высшей форме патриотизма», представляет новый идеологический и пропагандистский

²⁴ Сталин И.В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 года. Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 197-198.

²⁵ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 291. Л. 7-9.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 82. Л. 16,17-20.

²⁷ ГА РФ. Ф. 8265. Оп. 1. Д. 168. Л. 113.

конструкт как синтез традиционного патриотизма с интернационализмом. В формуле «советского патриотизма» к любви к родным местам и народу известный партийный публицист добавляет «политическую любовь» к своему государству и общественному строю. У него патриотизм становится идеологией только трудящихся классов, а советский патриотизм выступает проявлением «коммунизма, проповедуемого нашей партией». Этот новый патриотизм «вступает на новую почву» в связи с выходом советского человека в Европу. Идеи «прогрессивного патриотизма» развивает в своем выступлении на конференции писатель Вадим Кожевников. В частности, он обрушивается с критикой на повесть Константина Симонова «Дни и ночи», где «ни у одного солдата не найдете ни одного впечатления, связанного с ... исторической битвой» за «первое в мире социалистическое государство, которое обрел наш народ в 1917 году», а все отнесено к прошлому.²⁸

Документы свидетельствуют, что *пропагандистский поворот на завершающем этапе войны был также связан с актуализацией долгосрочной, социализирующей функции пропаганды*. Уже с начала 1944 г. в центральной печати развернулась кампания критики «увлечения» примерами далекого прошлого.²⁹ Если до 1944 гг. мужество и героизм солдат и офицеров на фронте были достаточным доказательством их «советскости», то затем на первый план выдвинулись вопросы марксистско-ленинской пропаганды.³⁰ В высших партийных эшелонах, не отказываясь от мобилизационной функции пропаганды и агитации, задумывались о перестройке пропагандистской работы после Победы с учетом военного опыта. Показательно, что в военные годы в партийной и комсомольской среде периодически актуализировалось изучение наследия классиков марксизма-ленинизма и трудов И.В. Сталина. Эта тенденция проявилась и в издательской политике 1944-1945 гг.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 83. Л. 3,5,9,11,17,18-19,25-28,30-32,52-55.

²⁹ Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб., 1995. С. 52-54.

³⁰ Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941-1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London; New York, 1991. P. 69.

Характерно, что исторические дискуссии лета 1944 г. сосредоточились, в числе прочего, на критике попыток использования «прогрессивно-исторических, народных традиций» в «духе буржуазного национализма». Например, академик И.И. Минц выступил против вредной, с его точки зрения, тенденции поднимать «на щит все, что можно изобразить борцом против старой России».³¹

Дискуссия вокруг проблемы соотношения национального и интернационального компонентов советской пропаганды выявила, прежде всего, отсутствие «ясности по некоторым принципиальным вопросам отечественной истории», а по ряду вопросов даже «существенные разногласия». Это, в частности, касалось трактовки событий, связанных с присоединением к Российской империи народов и территорий, восстаниями против царизма на окраинах империи, местом «малых народов» в курсах истории СССР и т.п.³²

Дискуссия свелась к критике отождествления морально-политического единства народа до и после Октября 1917 г. Внимание пропаганды акцентировалось на сложившейся в годы войны «небывалой в истории высшей, социалистической формы морально-политического единства».³³ В ходе дискуссии родилось предложение «создать советскую теорию эволюции русской державы», положив в ее основу «три динамических момента»: «поворот на мирный труд» после походов на Византию, а также идеи «дружной обороны» и «равноправного подхода ко всякой другой национальности».³⁴

Но при этом очевидно выдвигание в «благородном соревновании» принесения жертв на благо Родины на первый план русского народа. В итоге акценты в изучении истории народов СССР смещались в сторону освещения того, «когда и как вошли эти народы в состав Руси», и объяснения причин,

³¹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 71-73, 121-122, 128-129.

³² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 26. Л. 16-17.

³³ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 71-73.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 143.

заставивших их «держаться за связь с русским народом».³⁵ Трактовки, предложенные участниками дискуссии, также содержали критику ошибочности и вредности изображения России «как извечно агрессивной, а окружающих ее стран и народов, как извечно страдающих».³⁶

Концепт «советского патриотизма» содержал ряд пропагандистских компонент для «внутреннего пользования»: многонациональной Красной Армии, особой роли Октября и Гражданской войны в трансформации сущности патриотизма и т.п. В октябрьском номере 1944 г. журнала «Агитатор и пропагандист Красной Армии» патриотизм досоветского периода был объявлен исторически ограниченным. Что, впрочем, не помешало автору статьи говорить о сближении в общественном сознании периода войны «русского» и «советского» патриотизма.³⁷ На совещании работников агитмассовой редакции Политиздата 23 октября 1944 г. было намечено включить в редакционный портфель на 1 квартал 1945 г. работы о патриотизме колхозного крестьянства и советском патриотизме вообще. Сразу нескольким авторов предполагалось заказать брошюры тему «Советский патриотизм — великая сила».³⁸

Еще одним фактором трансформации традиционного патриотизма в патриотизм советский стало неприятие частью советского общества и элиты активного использования в военной пропаганде патриотического дискурса и исторического наследия России в ущерб классовым оценкам. Впрочем, основания для этого были. Пик патриотической пропаганды в 1943 г. совпал с роспуском Коминтерна, реабилитацией Русской Православной церкви, введением в армии «старорежимных» погон, учреждением ордена Славы как прямого преемника Георгиевского креста и т.п.

1943 г. ознаменовался коренной перестройкой системы советской пропаганды, прежде всего, на фронте. В апреле Совет военно-политической

³⁵ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 156-157.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1051. Л. 208-209.

³⁷ Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб., 1995. С. 52-54.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 125. Л. 1-2.

пропаганды при Главном политическом управлении РККА провел Всеармейское совещание работников аппарата политорганов по спецпропаганде. В числе прочего совещание обсудило вопросы пропагандистской работы в связи с начавшимся изгнанием захватчиков с территории СССР.³⁹ В мае этого же года был ликвидирован институт заместителей командиров по политической части, что означало перенос пропагандистской работы в первичные партийные организации армии и флота.

В апреле 1945 г. редактор газеты 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец» Н.А. Бубнов получил письмо от корреспондента «Известий» В.А. Хмелевского с рассуждениями о «существовании советского патриотизма». В частности, бывший сослуживец недоумевал, что автор передовой статьи в одном из номеров «Суворова», «разбирая подвиг героя и его отношение к советской Родине, ни разу этот самый эпитет, стоящий перед словом Родина выше, не произнес». Тогда как «Родина вообще и Родина советская - понятия разные в своей вершине, хотя и имеющие общий корень».⁴⁰

Впрочем, даже в середине 1945 г. «пропагандистский маятник» продолжал колебаться между патриотическим и интернациональным полюсами. Завершением «пропагандистского поворота» стала весна 1946 г. В апреле А.А. Жданов и Г.Ф. Александров направили в Политбюро «Предложения о мероприятиях по улучшению руководства агитпропаботой и по укреплению аппарата Управления пропаганды ЦК ВКП (б)». В записке с критикой «одностороннего увлечения исторической тематикой» соседствовали призывы усиления классово-партийной составляющей пропаганды.⁴¹ Что вполне объяснимо. Ведь исторические образцы патриотизма и общепатриотический дискурс военной поры были неприменимы в условиях начинающейся Холодной войны и

³⁹ Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М., 1968. С. 542.

⁴⁰ ГА РФ Ф. 8127. Оп. 1. Д. 33. Л. 176-184.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 24. Л. 20-43.

институционального и идеологического переноса «преимуществ социализма» в страны «социалистического лагеря». Реалии противостояния двух сверхдержав, еще вчера бывших союзниками по Антигитлеровской коалиции, настоятельно диктовали поиск новых идеологических конструкторов, окрашенных в классовые и интернациональные цвета.

Список источников и литературы:

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза при Совете министров СССР (ТАСС). Оп. 14. Редакция центральной и московской информации; Оп. 15. Редакция союзной информации; Оп. 21. Редакция фронтовой информации.

ГА РФ. Ф. 6646. Славянский комитет СССР.

ГА РФ. Ф. 6903. Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию (Гостелерадио).

ГА РФ. Ф. 7928. Антифашистский женский комитет.

ГА РФ. Ф. 8114. Еврейский антифашистский комитет.

ГА РФ. Ф. 8265. МОПР СССР.

ГА РФ. Ф. 8581. Совинформбюро.

ГА РФ. Ф. 9425. Главлит.

ГА РФ. Ф. 9548. Всесоюзное лекционное бюро при министерстве высшего образования СССР.

Российской государственной архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 125. Управление пропаганды и агитации.

РГАСПИ. Ф. 77. Жданов А.А.

РГАСПИ. Ф. 82. Молотов В.М.

РГАСПИ. Ф. 88. Щербаков А.С.

РГАСПИ. Ф. 612. Высшая партийная школа при ЦК КПСС.

РГАСПИ. Ф. 623. Политиздат.

РГАСПИ. Ф. 629. Пospelов П.Н.

Великий подвиг. К 55-летию Победы: Тезисы докладов Всероссийской молодежной научно-практической конференции 26-27 апреля 2000г. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2000. 243 с.

Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб.: ЛОИУУ, 1995. 140 с.

О воспитании морского офицера: Сб. статей. М.; Л.: Военмориздат, 1944. 77 с.

Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968. 632 с.

Сталин И.В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 года. Сочинения. Т. 15. М.: Изд-во «Писатель», 1997. С. 192-203.

Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941-1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London; New York: Longman, 1991. 252 p.